

Цзян Боянь обычно одевался по последней моде, и Лу Инь редко видел его в официальном костюме. Как говорится, одежда красит человека — сегодня Бояню даже волосы аккуратно уложили. Пока он держал рот на замке, то вполне сошел бы за приличного наследника из респектабельной семьи.

Стоя рядом со своим отцом, Цзян Шаофэном, он вел светскую беседу со старшими, но мысли его витали далеко. Постоянно прокручивая в голове слово «сюрприз», он то и дело бросал взгляд в сторону Лу Иня.

Сун Ян, все еще уязвленный тем, что Лу Инь якобы его обидел, перехватил этот взгляд. Решив, что смотрят именно на него, он привычно прикусил губу. Глаза его фальшиво заблестели от слез — он мгновенно нацепил маску незаслуженно обиженной жертвы, прибегнув к своему излюбленному приему.

Прежде Цзян Боянь непременно попался бы на эту удочку, но сейчас эта пантомима лишь вызвала у него глухое раздражение. Он сухо отвел взгляд, проигнорировав Сун Яна. Поняв, что его старания пропали даром, тот помрачнел, а его настроение стремительно покатилося по наклонной.

Сун Ян не выносил присутствия Лу Иня в одном помещении и уже собрался уйти.

В этот момент к нему торопливо подошел парень. Заметив расстроенное лицо Сун Яна, он окинул Лу Иня враждебным взглядом, тут же заслонил своего любимца спиной и процедил:

— Только попробуй еще раз обидеть Сяо Яна, урод!

— Бля, — нахмурился Цзян Боянь. Скомкав разговор со старейшинами, он сунул руки в карманы брюк и размашисто направился к ним.

Перед глазами Лу Иня замелькало вызывающее серебро: нахальный юнец вырядился в помпезный костюм металлического оттенка, да еще и волосы выкрасил в платиновый блонд. На вид ему было не больше шестнадцати-семнадцати лет — черты лица еще по-детски мягкие, но он уже скалился, точно преданный волчонок, защищающий своего хозяина.

Лу Инь сразу узнал его — это был Бай Шивэнь.

В прошлой жизни они не общались близко, но Лу Инь о нем слышался. Поговаривали, что этот парень был одержим Сун Яном и ради него готов был пойти на любое безумие. Будучи на год младше своего кумира, сейчас он, скорее всего, еще учился в старшей школе.

С момента своего перерождения Лу Инь неустанно анализировал обрывки воспоминаний,

пытаясь вычислить, чьи именно руки оборвали его прошлую жизнь. Бай Шивэнь и его старший брат, Бай Ичжоу, числились в списке главных подозреваемых.

Такой осторожный манипулятор, как Сун Ян, никогда бы не стал марать руки сам. Он предпочитал пускать в ход свое ангельское личико и тонкую ложь, заставляя послушных марионеток идти на преступление ради него.

Стоило Лу Иню вспомнить это, как его лицо сделалось еще холоднее.

Мир тесен: в высшем свете Цинхэ Бай Шивэнь был известен еще и тем, что его мать приходилась приемной сестрой Се Чи, которую когда-то взяли из приюта. Поскольку у самого Се Чи детей быть не могло, старшее поколение семьи вовсе пыталось навязать ему племянника в качестве будущего наследника.

Счастливчик, родившийся под счастливой звездой.

И сейчас этот баловень судьбы с яростным видом преграждал Лу Иню путь, готовый ринуться в бой.

Лу Инь равнодушно пожал плечами:

— Неужели у меня настолько злодейское лицо, что я только и делаю, что кого-то терроризирую? — Он перевел взгляд на стоявшего позади парня: — Я тебя обижаю? Смотри, Сун Ян, за вранье придется проглотить тысячу иголок.

— Заткнись со своими дурацкими проклятиями!

Бай Шивэнь вспыхнул как порох. Совершенно забыв о приличиях, он замахнулся, чтобы толкнуть обидчика. Но не успели его пальцы коснуться ткани чужого пиджака, как стоявший неподалеку Цзян Боянь резко рванулся вперед и со всей силы швырнул наглеца на стену.

От неожиданности платиновый блондин больно приложился затылком о твердую поверхность. В глазах у него потемнело, пальцы разжались, и бокал с тихим звоном разлетелся вдребезги у его ног.

Внезапная вспышка насилия заставила стоявших поблизости гостей мгновенно замолкнуть.

С трудом придя в себя, Бай Шивэнь потер ушибленное плечо и, задыхаясь от ярости, выпрямился:

— Цзян Боянь, ты совсем из ума выжил?! Что за херню ты творишь?!

— Рука сорвалась, — невозмутимо отозвался тот.

— Ты меня за идиота держишь?!

— Ты устроил цирк на празднике Сяо Яна, — Цзян Боянь равнодушно развел руками, — так что я просто обязан вправить тебе мозги.

— Ах ты!..

Сун Ян, зажатый между двумя разъяренными парнями, застыл под прицелом десятков любопытных глаз. Лицо его потемнело от досады. Он все еще дорожил своей репутацией и теперь искренне проклинал тот миг, когда решил задеть Лу Иня на собственном совершеннолетии. Попытавшись вклинить между ними, чтобы разрядить обстановку, он внезапно услышал, как Лу Инь тихо, но отчетливо хмыкнул.

Все присутствующие разом повернулись к нему.

Цзян Боянь посмотрел на него с укором и, беззвучно шевеля губами, одними губами выругался: «Бессовестный эгоист».

Лу Инь проигнорировал его пантомиму и вежливо кивнул:

— Да вы продолжайте, не обращайтесь на меня внимания.

Однако после этой издевательской реплики продолжать разборки при свидетелях стало невыносимо. Бай Шивэнь почувствовал себя облитым грязью клоуном. Желание спорить с Цзян Боянем мигом улетучилось, и он, злобно зыркнув напоследок, утащил Сун Яна прочь.

Не дав Цзян Бояню вставить ни слова, Лу Инь развернулся и тоже покинул душный зал.

Основное торжество проходило на третьем этаже, откуда можно было выйти на просторную открытую террасу. Лу Инь подошел к перилам, подставляя лицо прохладному октябрьскому ветру Цинхэ. Несколько минут он безучастно наблюдал за царившим внутри весельем, а затем достал телефон и отправил сообщение Сун Хайнину, предложив встретиться в уединенной комнате отдыха в самом конце восточного крыла.

Получив лаконичное согласие, Лу Инь направился обратно в здание.

Этот роскошный отель — лучший в Цинхэ — напоминал запутанный лабиринт. Чем дальше он шел, тем тише становилось вокруг, пока шум банкета окончательно не смолк. Свернув за угол и пройдя еще немного по безлюдному коридору, Лу Инь услышал впереди знакомый голос. Подняв глаза, он увидел Цзян Бояня, который увлеченно беседовал со своим приятелем.

Заметив его приближение, Боянь мгновенно умолк. Он сверлил Лу Иня тяжелым взглядом, а когда тот поравнялся с ними, оттолкнулся от стены и преградил ему дорогу:

— Эй, стой.

Лу Инь замер и вопросительно приподнял бровь:

— Что-то нужно?

— Подойди, завяжи мне галстук, — Цзян Боянь потянул за узел на шее. — Давит чертовски, дышать нечем.

Видя, что Лу Инь не сдвинулся с места, он недовольно насупился:

— Не забывай, я только что тебя выручил.

— Помню, — ровно ответил тот.

— Вот и иди сюда. У меня самого криво выходит.

— Это... бро, — подал голос его приятель, Ли Лянь, ошарашенно переводя взгляд с одного на другого. Он тщетно пытался постичь логику своего босса, но, осознав, что тот говорит на полном серьезе, попытался вмешаться: — Слушай, если тебе так приспичило завязать галстук, я могу помочь. И вообще...

«Ты что, сам с куском шелка справиться не в состоянии?» — мысленно взмолился Ли Лянь. И даже если это очередной способ поиздеваться над Лу Инем, зачем так нелепо унижаться?!

Боянь, разозлившись, что ему мешают, зыркнул на приятеля:

— Свали в туман.

Ли Лянь послушно отступил на шаг, а Лу Инь, до этого безучастно наблюдавший за этой сценой, негромко произнес:

— Цзян Боянь, ты действительно хочешь, чтобы я завязал тебе галстук?

Тот опустил ресницы и издал неопределенное «угу».

— Ни в этой жизни, — отрезал Лу Инь. — Ни в следующей. Даже не мечтай.

Лицо Цзян Бояня мгновенно потемнело от злости. Он резко вскинул руку, намереваясь схватить Лу Иня за грудки, но тот среагировал быстрее: перехватив его за воротник, он намотал конец шелкового галстука на кулак и резко рванул на себя. Не ожидавший такого выпада Боянь потерял равновесие, неловко проковылял пару шагов вперед и едва не врезался в стену, чудом успев упереться в нее ладонью.

Лу Инь продолжал крепко удерживать его на привязи.

— Ты... — Цзян Боянь вытаращился на него в полном шоке. — С ума сошел?! Отпусти сейчас же!

Пальцы Лу Иня сжались еще сильнее, стягивая петлю на шее. Дышать Бояню стало действительно нечем, его лицо залило пунцовой краской — не столько от нехватки кислорода, сколько от дикой ярости. Чтобы его, наследника великого клана, так унижали на глазах у подчиненного?!

Ли Лянь, наконец очнувшись от ступора, кинулся на помощь другу, собираясь оттолкнуть Лу Иня, но Боянь внезапно прохрипел, останавливая его:

— Не лезь! Назад! Не трогай его!

Ли Лянь растерянно отдернул руки. Он ошарашенно переводил взгляд с одного на другого, силясь сложить два и два:

— Вы... вы что, серьезно?.. Да не, бред какой-то...

Ему никто не ответил. Ли Лянь шумно сглотнул, наблюдая, как Лу Инь буквально на поводке утаскивает его грозного босса по коридору.

Эта картина не укладывалась в голове. Подобное обращение должно было растоптать гордость Цзян Бояня, лишить его всякого авторитета, но тот лишь безвредно огрызался сквозь зубы, даже не пытаясь по-настоящему ударить обидчика. Это было совершенно не в его духе.

Разве что...

— Да ну, не может быть, — пробормотал Ли Лянь.

Его глаза округлились от шока. Он крутился рядом с Боянем еще со старшей школы и прекрасно знал, насколько непримиримой была их вражда с Лу Инем. С чего вдруг такие странные ролевые игры?

Затаив дыхание, Лу Инь затащил пленника в ту самую тупиковую комнату отдыха, наконец

разжал пальцы и бесцеремонно толкнул парня на глубокий кожаный диван. Сам он сел напротив на свободный стул и уткнулся в телефон, отправляя Сун Хайнину короткое уточнение о встрече.

Цзян Боянь с ледяной миной принялся приводить себя в порядок: поправил измятый пиджак, уложил растрепавшиеся волосы и — о чудо! — на удивление ловким и точным движением безупречно перевязал свой галстук. Лицо его по-прежнему горело от негодования. Он тихо цедил сквозь зубы ругательства, обзывая Лу Иня психом, но когда наконец огляделся по сторонам, на его лице отразилось крайнее замешательство.

В углу комнаты была едва приоткрыта потайная дверь. В образовавшуюся щель отчетливо виднелась роскошная двуспальная кровать королевского размера, на которой без труда поместились бы и трое.

Отправив сообщение, Лу Инь поднял на него глаза:

— Я ведь обещал тебе сюрприз.

— Здесь? — Боянь явно истолковал обстановку в меру своей испорченности. Он покосился на манящую простынями спальню и хмыкнул: — Только не говори, что затащил меня сюда ради постели. Черт, Лу Инь, не знал, что ты настолько нетерпелив.

Лу Инь небрежно откинулся на спинку стула:

— Покати губу обратно.

— И чем тогда прикол? — Боянь поднялся с дивана и вплотную подошел к нему. — Терпеть не могу твои загадки. Они меня бесят.

Вдруг из коридора донеслись тяжелые шаги, едва различимо глушащиеся толстым ворсом ковровой дорожки. Цзян Боянь инстинктивно умолк. В ту же секунду Лу Инь прижал указательный палец к губам и тихо прошептал:

— Тсс.

Цзян Боянь недовольно нахмурился.

Лу Инь бесшумно подтолкнул его к потайной спальне, бросив короткое «сиди тихо и не высывайся», и притворил дверь. Она плавно вошла в паз, полностью слившись со стеной. Чтобы перестраховаться, Лу Инь придвинул к ней тяжелый стул.

— Эй... — попытался было возразить Боянь.

Но в этот момент в основной комнате раздался голос вошедшего Сун Хайнина. В нем не осталось и следа привычной мягкости — он звучал резко и брезгливо:

— Говори быстрее, зачем звал. Не тяни время, у Сяо Яна скоро официальная часть.

Замахнувшийся для удара кулак Цзян Бояня замер в паре сантиметров от деревянной панели.

Немного помедлив, он медленно опустил руку.

В потайной комнате царил полумрак. Боянь прислонился спиной к двери, слегка согнул одну ногу в колене и прикрыл глаза, сосредоточившись на звуках снаружи. В груди шевельнулось нехорошее предчувствие.

«Кажется, именно это зрелище Лу Инь и окрестил своим „сюрпризом“».

В гостиной.

Сун Хайнин сидел на диване, скрестив руки на груди. Без своей привычной маски благородного господина он выглядел черствым и равнодушным человеком. Игнорируя исходящую от него неприязнь, Лу Инь спокойно налил себе воды и сделал неторопливый глоток:

— Раз я пригласил тебя, значит, у нас есть серьезная тема для разговора.

— Мне не о чем с тобой разговаривать, — отрезал Сун Хайнин. — Я растил тебя восемнадцать лет не для того, чтобы ты устраивал свои дурацкие бунты и трепал мне нервы!

Лу Инь тихо хмыкнул.

— Что смешного? — лицо мужчины потемнело от гнева.

Лу Инь поставил стакан и прямо посмотрел на собеседника:

— Полно тебе. Здесь никого нет, так что избавь меня от этой фальшивой отцовской заботы. Давай поговорим о Ли Сюане. Ты сосватал мне в женихи отпетого ублюдка, который тащит в постель все, что движется, и окружил себя толпой шлюх обоего пола. И это ты называешь родительской любовью?

Даже пойманный за руку, Сун Хайнин не выказал ни капли смущения:

— Этот брак одобрила твоя мать еще при жизни. А раз уж тебе нравятся парни, то этот союз

идеален! Ну погуляет зять немного по молодости, дело житейское. Все мужчины остепеняются после свадьбы. Я твой отец, по-твоему, я бы стал желать тебе зла в таком важном вопросе?

За стеной Цзян Боянь до боли сжал кулаки. Ему до безумия хотелось ворваться в комнату и разукрасить этому лицемеру физиономию, но, вспомнив предостережение Лу Иня, он с трудом подавил бушующий гнев.

— Брачный союз? — Лу Инь холодно улыбнулся. — За дурака меня не держи. И вообще, ты уверен, что ваша помолвка все еще в силе?

Сун Хайнин нахмурился.

Еще неделю назад он действительно планировал официально объявить о помолвке Лу Иня и Ли Сюаня прямо на совершеннолетию Сун Яна. Все шло как по маслу, пока на пути не возникли непредвиденные препятствия. Сначала какой-то наглый тип позвонил ему и, представившись любовником Лу Иня, осыпал угрозами. Затем сам несостоявшийся зять, Ли Сюань, примчался бледный как смерть и потребовал расторгнуть помолвку, наотрез отказавшись объяснять причины своего страха.

Так или иначе, этот брак сорвался.

Но раз уж выгодно сбыть старшего сына не удалось, Сун Хайнин твердо вознамерился использовать его порочную склонность к мужчинам, чтобы окончательно смешать его имя с грязью.

Лу Инь смерил его презрительным взглядом:

— Давай начистоту. Тебе просто нужно расчистить дорогу для своего ублюдка. Хватит разыгрывать эту дешевую драму, со стороны выглядит жалко.

— Выбирай выражения! — Сун Хайнин со всей дури грохнул ладонью по столу. — Какой еще ублюдок? Он твой брат!

— У меня никогда не было и не будет такого эгоистичного брата.

— Ты просто захлебываешься от зависти! — сорвался на крик мужчина. — Завидуешь, что Сяо Яна любят больше, чем тебя! Лу Инь, как ты смеешь разговаривать со своим отцом в таком тоне? Где твои манеры, где воспитание?!

— А у меня разве есть отец? — ледяным тоном отозвался Лу Инь.

Сун Хайнин поперхнулся словами. В его прищуренных, хитрых глазах не было ни капли



родительского тепла — лишь затаенная злоба.

— Прекрасно! Просто замечательно! — зашипел он. — Неблагодарный щенок! Если бы не я, где бы ты сейчас был? Сгнил бы в канаве! Тебе следовало бы на коленях меня благодарить за все, что имеешь!

Он тяжело задышал и продолжил, брызжа слюной:

— Ты с пеленок рос упрямым и несносным мерзавцем, тебя невозможно было любить! Что ж, раз мы заговорили начистоту, слушай меня в оба уха: даже не смей зариться на то, что принадлежит Сяо Яну. Корпорация Божественного Пути целиком отойдет ему.

«Сука бесстыжая», — мысленно выругался Боянь в темноте своего убежища.

Мужчина распалялся все сильнее:

— Тебе мало тех акций, что оставила твоя покойная мать? Слишком много о себе возомнил! Если ты попробуешь отобрать у Сяо Яна хоть кроху, я вышвырну тебя из дома без единого гроша!

Лу Инь задумчиво повертел в руках пустой бокал:

— Я и сам уйду.

Он сделал короткую паузу и тихо, отчетливо добавил:

— Вот только уходить придется вам. Я лично вымету всю вашу шваль из своего дома.

— Да как ты смеешь?! — взревел Сун Хайнин.

Лу Инь снисходительно улыбнулся:

— Хочешь проверить?

Не спеша он поднялся со своего места, подошел к мужчине вплотную и смерил его холодным, давящим взглядом сверху вниз:

— И запомни раз и навсегда: прекрати взывать к моим сыновним чувствам. Нас с тобой ничего не связывает. Я прекрасно знаю, что во мне нет ни капли твоей крови. Ты мне никто, Сун Хайнин.

Мужчина мертвенно побледнел.

«Твою мать...» — у Цзян Бояня за стеной перехватило дыхание.

Он прижался ухом к самой щели, боясь упустить хоть единый шорох.

Этот «сюрприз» превзошел все его ожидания. Это была настоящая атомная бомба.

Снаружи продолжал звучать ровный, уверенный голос Лу Иня:

— Не ломай голову над тем, откуда мне это известно. И даже не думай очернить память моей матери. Мы оба знаем правду: ты приполз в нашу семью приживалой, ползал на коленях и клялся любить меня как родного сына. Ты первый нарушил свое слово.

Лу Инь чеканил каждое слово:

— Ты обыкновенный вор, Сун Хайнин.

— Что за бред ты несешь?! — задыхаясь от ужаса, выкрикнул тот.

Только сейчас он по-настоящему всмотрелся в лицо своего пасынка. И когда его взгляд встретился с парой холодных глаз, до боли напоминавших глаза покойной Лу Мэй, его затопила волна первобытного страха. Точно такой же ужас он испытал много лет назад, когда впервые увидел Лу Мэй в офисе ее отца.

Сун Хайнин ненавидел сильных женщин. Ему по душе были хрупкие, покорные дурочки, готовые беспрекословно заглядывать ему в рот и лнуть к его плечу, подобно нежному выюнку. Только рядом с такими он мог чувствовать себя полноценным мужчиной.

На Лу Мэй он женился исключительно ради ее денег и безграничного влияния.

Он презирал Лу Иня так же сильно, как презирал собственное позорное прошлое приживалы-альфонса. Все эти годы он по круплицам выстраивал свою империю, полагая, что навсегда стер клеймо нищего зятя. Но этот мальчишка... этот паршивец посмел напомнить ему обо всем!

— Заткнись! — вне себя от бешенства взревел Сун Хайнин, его голос сорвался на визг. — И что теперь? Решил объявить мне войну? Забрать у меня корпорацию Божественного Пути? Ха! Да ты бредишь, щенок!

— Почему бы не попробовать? — Лу Инь равнодушно пожал плечами. — Вдруг мой бред окажется явью?

— Не будь столь самонадеян, — Сун Хайнин смерил его ледяным взглядом. — Если в твоей голове осталась хоть капля мозгов, бери свои паршивые акции и проваливай на все четыре стороны. Будешь и дальше сытно есть и сладко спать. Но если попробуешь встать у меня на пути — я уничтожу тебя.

С этими словами он круто развернулся и вымелся из комнаты, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Эхо от грохота еще долго вибрировало в воздухе. Лишь спустя минуту стул у потайной двери отодвинулся, и Цзян Боянь медленно переступил порог. Он молчал — непривычно долго и угрюмо, буравя Лу Иня сложным, нечитаемым взглядом, в котором мешались шок, злость и растерянность.

Наконец, не выдержав давящей тишины, он хрипло произнес:

— И это, по-твоему, сюрприз? Ты всерьез называешь это сюрпризом?!

— Какого черта?! — Боянь сделал шаг вперед, его кулаки снова сжались. — Зачем ты заставил меня все это слушать?

Лу Инь, стоя у окна, оторвался от созерцания ночных огней и повернулся к нему. В мягком свете ламп его лицо казалось безмятежным.

— Перед тобой простая дилемма.

Цзян Боянь уже догадывался, к чему клонится этот разговор.

— Я объявил войну Сун Хайнину, а значит, и с его обожаемым сыном мы теперь по разные стороны баррикад, — Лу Инь смерил его долгим, изучающим взглядом. — Так кого ты выберешь, Боянь? Меня или Сун Яна?

Цзян Боянь промолчал. Его взгляд потемнел, став глубоким и мрачным.

— Ты колеблешься, — констатировал Лу Инь.

— Терпеть не могу, когда меня прижимают к стене, — Боянь раздраженно отвел глаза.

— Я лишь предложил тебе сделать выбор, — пожал плечами Лу Инь.

Тело Цзян Бояня напряглось, словно перед прыжком. Пытаясь скрыть нарастающую тревогу, он нацепил на себя маску полного безразличия.

— Хотя кому я это говорю, — усмехнулся Лу Инь. — Ты все равно этого шанса не заслуживаешь.

— Чего ты добиваешься?! — сквозь зубы процедил Боянь.

— Чего я добиваюсь? — Лу Инь задумчиво прикрыл глаза. — Все очень просто. Я хочу заставить Сун Хайнина вернуть каждый цент, украденный у моей матери. А твоего драгоценного названного братца отправить обратно туда, откуда он выполз.

Он отчеканил каждое слово:

— На самое дно.

Цзян Боянь уставился на него в упор, его зрачки сузились:

— Я никогда не стану помогать тебе уничтожать Сяо Яна. Ты прекрасно знаешь, что он спас мне жизнь, когда мы были детьми.

Лицо Лу Иня не изменилось — он явно ожидал подобного ответа.

— Что ж, очень жаль.

Впрочем, в его ровном голосе не было и намека на разочарование — он лишь констатировал факт.

Воздух в комнате словно сгустился, став тяжелым и липким.

С каждой секундой молчания тревога внутри Цзян Бояня разрасталась, заполняя все его существо. Ему безумно хотелось развернуться и уйти, скрыться за дверью, лишь бы не слышать того, что Лу Инь собирался произнести дальше.

Но тот лишь неторопливо сделал еще один глоток воды, плавно опустил стакан на столик и перешел к главному:

— Ты ведь так хотел узнать, в чем заключается мой сюрприз.

— Ну? И в чем же? — Боянь с трудом сглотнул ком в горле.

— А в том, — Лу Инь выдержал эффектную паузу и произнес почти ласково: — Мы расстаемся.

— Что?..

Цзян Боянь застыл на месте, словно громом пораженный. В его груди поднялась какая-то горькая, удушливая волна.

Он не верил собственным ушам. Спустя пару бесконечно долгих секунд оцепенение спало, и он медленно, деревянно повернул голову к Лу Иню. Глаза его лихорадочно блеснули, а слова с трудом срывались с губ:

— Это... это, блядь, по-твоему, сюрприз?!

— Я не согласен! — сорвался он на крик.

Лу Инь лишь развел руками:

— Строго говоря, я ставлю тебя перед фактом, а не прошу твоего согласия. И к чему эта драма на лице? Ты ведь сам всегда твердил, что наши отношения — не более чем забавная интрижка. Я думал, ты обрадуешься долгожданной свободе. В конце концов, ты сам сделал этот выбор.

— Да пошел ты со своей радостью! — взревел Цзян Боянь, окончательно теряя контроль над собой. — Ты совсем головой поехал?! С какого хера ты тут заявляешь о расставании?!

Он стиснул зубы так, что заходили желваки:

— Даже если мы и разбежимся, решать буду я! Понял? Это я должен тебя бросить! Только я имею право решать, когда игре конец!

Он выглядел абсолютно растерянным и взбешенным, его гордость была жестоко уязвлена.

— Я давал тебе шанс выбрать, — холодно напомнил Лу Инь.

— Это не считается! — лицо Бояня позеленело от злости. — Слышать больше не хочу эту чушь. Я еще не наигрался, ясно тебе?! Я не разрешаю!

Лу Инь насмешливо цокнул языком:

— До чего же ты противоречив.

«Сам принимает решение, а потом истерит из-за последствий».

— Наш камень преткновения — это Сун Ян, — ровно произнес Лу Инь. — Раз ты предпочел остаться с ним, наш прежний статус-кво аннулируется.

— А если я откажусь? — процедил Боянь.

— На двух стульях не усидишь, — Лу Инь склонил голову набок. — Но раз уж ты так цепляешься за меня... Неужели ты и впрямь начал относиться ко мне как к настоящему парню?

Боянь поперхнулся словами и поспешно отвернулся, делая вид, что разглядывает лепнину на потолке.

Он не хотел признавать, что Лу Инь попал в самую точку. Но дикая обида и уязвленное эго лишали его способности здраво мыслить. В этот миг он абсолютно не понимал, что чувствует, и эта беспомощность злила его сильнее всего.

— Я... — его щеки пылали от бешенства и стыда. Под пристальным, насмешливым взглядом Лу Иня он глубоко вдохнул и выдавил из себя презрительную ухмылку: — Больно надо! Много о себе возомнил. Конечно, это просто игра, развлечение на пару вечеров! С чего ты взял, что я могу в тебя влюбиться? Смешно!

Он грязно выругался про себя: «Сука, сука... Мне просто не нравится, когда со мной так обращаются!»

Лу Инь продолжал плавно покачивать стакан:

— Ну и?

Боянь уставился на него покрасневшими глазами:

— Значит, это окончательно? Мы расстаемся?

— Именно так, — кивнул Лу Инь.

— Отлично! Баба с возу — кобыле легче! — Боянь шумно выдохнул и натянул на лицо ядовитую улыбку. — Очень вовремя, я как раз собирался бросить тебя через пару дней. И знаешь что? Ты — самый унылый, холодный и невыносимый зануда из всех, кого я встречал! Твой характер — полное дерьмо, и терпеть тебя нормальный человек не станет!

Его губы мелко подрагивали, а в глазах горело бешеное пламя.

Лу Инь оставался образцом олимпийского спокойствия:

— Благодарю за честный отзыв. Если бы мне нужно было оценить наши отношения по пятибалльной шкале, я бы поставил тебе...

Боянь затаил дыхание, заранее зная, что ничего хорошего не услышит.

— Жирный минус.

Цзян Боянь пулей вылетел из комнаты, хлопнув дверью с такой силой, что штукатурка посыпалась.

— Эй, — негромко окликнул его Лу Инь вдогонку.

Боянь с тайной надеждой резко обернулся, но лишь увидел, как парень с вежливой улыбкой салютует ему стаканом:

— Счастливого расставания.

Унижение, досада и ярость вскипели в груди Бояня, достигнув абсолютного предела.

На секунду воцарилась звенящая тишина, а затем коридор сотряс неистовый вопль:

— Пошел ты нахер со своей радостью! Да я просто на седьмом небе от счастья, блядь!

Топот разъяренных шагов наконец затих, и в комнате воцарилась блаженная тишина. Лу Инь посидел еще минут пятнадцать, приводя мысли в порядок, после чего поднялся, одернул пиджак и вернулся в праздничный зал.

Официальная часть торжества уже началась. Сун Хайнин стоял на трибуне с микрофоном в руках, произнося пафосную и трогательную речь о любви к сыну. На его благообразном лице не осталось и следа той звериной злобы, которую он изрыгал в комнате отдыха. Лу Инь постоял немного в тени массивной колонны, с холодным безразличием наблюдая за этим фарсом, а затем тихо развернулся и ушел с праздника, где ему никогда не были рады.

На пути к выходу, в одном из тихих ответвлений холла, он наткнулся на Цзян Бояня, который в одиночестве глушил виски.

Тот тоже заметил его. Стакан замер у самых губ, а налитые кровью глаза впились в Лу Иня с такой ненавистью, что на удерживающей стекло руке вздулись синие вены.

Лицо Бояня шло пунцовыми пятнами — парень был уже изрядно пьян.

Лу Инь скользнул по нему равнодушным взглядом и пошел мимо.

В этот момент из зала выбежал встревоженный Сун Ян. Заметив кузена, он облегченно вздохнул и бросился к нему:

— Братец Боянь! Вот ты где! Зачем ты прячешься тут и пьешь в одиночку?

Лу Инь с легким любопытством притормозил у колонны, наблюдая за сценой.

Боянь раздраженно стряхнул его руку с плеча:

— Отвяжись. Голова раскалывается.

Сун Ян обиженно надул губы:

— Но сегодня же мой день рождения! Пойдем скорее, пора резать торт. Я зарезервировал для тебя самое лучшее место за столом!

— Что-то я не видел, чтобы ты оставил место для своего брата, — хмельным, заплетающимся языком пробормотал Боянь.

Лицо Сун Яна тут же перекошило от злости. Он испуганно зыркнул в сторону стоявшего неподалеку Лу Иня, словно проверяя, слышал ли тот реплику, а затем настойчиво потянул Бояня за рукав:

— Ты пьян. Что за чушь ты несешь?

Алкоголь окончательно затуманил рассудок Цзян Бояня, мир перед его глазами плыл и качался. Видя, как Лу Инь уходит, даже не повернув головы, он почувствовал, как внутри него вспыхивает дикая, неуправляемая ярость. Тормоза окончательно отказали.

Он резко схватил Сун Яна за локоть и вызывающе, нарочито громко — так, чтобы эхо долетело до уходящего Лу Иня — крикнул:

— Сяо Ян! Какой подарок ты хочешь на совершеннолетие? Выбирай все, что душе угодно, я плачу!

Боковым зрением он следил за Лу Инем, но тот даже шага не замедлил.



«Сука, сука, сука!»

Обида душила его. Это он, Цзян Боянь, должен был диктовать условия!

Сун Ян поморщился от боли — пьяный кузен вцепился в него мертвой хваткой — и попытался высвободить руку:

— Братец Боянь, больно же,пусти! Какой еще подарок? Ты ведь уже подарил мне великолепный рояль. Точно, ты просто перебрал. Давай я помогу тебе дойти до машины, тебе нужно поспать.

— Я не пьян! — упрямо рявкнул Боянь.

И снова, срывая голос, крикнул в спину Лу Иню:

— Помнишь ту тачку с автосалона, на которую ты облизывался? Я беру ее для тебя прямо сейчас! Подходит такой подарок?!

Сун Ян, потирая ноющее плечо, замер. В его глазах вспыхнул хищный блеск.

Речь шла о роскошном суперкаре стоимостью более десяти миллионов юаней. Как бы сильно Сун Ян ни мечтал о нем, у него не было столько свободных денег, и ему пришлось скрепя сердце отказаться от покупки.

Конечно, он мог бы выпросить машину у отца, но сейчас, когда решался вопрос о передаче ему контрольного пакета акций Божественного Пути, портить отношения из-за капризов было глупо. Лучше было прикинуться скромным и послушным сыном.

Но для Цзян Бояня с его бездонными счетами покупка такой игрушки была делом пяти минут. Сун Ян мысленно затрепетал от восторга. Пытаясь соблюсти приличия перед лицом столь баснословных трат, он решил разыграть благородство:

— Ну что ты, братец... Это слишком дорого.

Он ожидал, что Боянь, как обычно, начнет настаивать, но...

— Ну и ладно. Не хочешь — как хочешь, — бросил Боянь. Проводив взглядом окончательно скрывшегося в темноте Лу Иня, он мгновенно потерял ко всему интерес, налил себе еще виски и осушил стакан залпом, полностью проигнорировав кузена.

Сун Ян лишился дара речи. Осознав, что шикарная спортивная машина только что уплыла у

него из-под носа, он встряхнул кузена за плечо:

— Эй!

Боянь медленно поднял на него мутный, раздраженный взгляд:

— Чего тебе еще?

Мечта о новеньком спорткаре лопнула как мыльный пузырь. Сун Ян едва сдерживал душившую его злобу, его миловидное лицо на секунду уродливо исказилось. Проглотив обиду, он выдавил из себя:

— Да так... ничего.

— Свали, а. Башка раскалывается, хочу побыть один, — Боянь вяло отмахнулся от него.

— Ладно... тогда я пойду к гостям, — натянув фальшивую улыбку, пробормотал Сун Ян.

Вернувшись в коттедж в округе Цинхэ в разгар национальных праздников, Лу Инь обнаружил, что Тань Мо еще не вернулся. Приняв душ, он сразу лег спать, а наутро его телефон буквально разрывался от уведомлений и звонков.

Новость о его признании в семье Сун еще не успела разлететься по городу. Поначалу Сун Хайнин из соображений престижа тщательно скрывал, что его старший сын предпочитает парней. Но теперь, судя по всему, старик решил пойти ва-банк и намеренно слил информацию, чтобы превратить Лу Иня в нерукопожатного изгоя среди элиты Цинхэ.

Мосты были сожжены, и отчим больше не церемонился. Стоило Лу Иню покинуть отель, как сплетни с его легкой руки разлетелись со скоростью лесного пожара. Общие чаты со старшей школы и университета помились от обсуждений, а в личку сыпались бесконечные расспросы от знакомых. Лу Инь спокойно и методично отвечал на сообщения, потратив на это больше получаса.

В дверь негромко постучали, и из-за нее раздался голос Тань Мо.

Услышав лаконичное «входи», Тань Мо распахнул дверь и зашел в спальню. Он уже был полностью одет и, судя по всему, только что приехал из Поместья Синего Озера. Не успев переступить порог, он процедил:

— Ну и ублюдок этот твой Сун Хайнин.

Лу Инь лениво потянулся в постели:

— Неужели слухи докатились и до тебя?

— Если быть точным, они докатились до моего деда, — Тань Мо покачал головой. — Старик ни свет ни заря устроил мне допрос, допытываясь, правда ли ты гей. Он даже умудрился заподозрить, что мы с тобой тайно встречаемся.

Лу Инь оперся спиной о подушки:

— Сун Хайнин бьет по больному. Он хочет выставить меня неуправляемым бунтарем и растоптать мою репутацию. Старшее поколение в бизнесе консервативно, и подобные слухи могут лишить меня поддержки ключевых партнеров корпорации Божественного Пути. На это он и рассчитывает.

— Грязный червь, — нахмурился Тань Мо.

— И как отреагировал дедушка? — спросил Лу Инь. — Действительно решил, что между нами что-то есть?

— Пришлось попотеть, объясняя, что мы просто делим жилплощадь, — Тань Мо развел руками. — Я поклялся ему, что не претендую на твою невинность. К счастью, старик у меня прогрессивный и в личную жизнь не лезет. Так что выселять тебя никто не планирует, спи спокойно.

— Какая нелепая путаница, — пробормотал Лу Инь. — Но все же...

— Что?

— Разве дедушка не видит, что мы с тобой совершенно не подходим друг другу?

Тань Мо тихо рассмеялся:

— Я хоть и по девочкам, но тут готов поспорить.

— Протест отклонен.

— Эй, Лу Инь, откуда в тебе этот детский сад? И почему это мы не смотримся вместе?

— Я уже говорил, — Лу Инь ровно посмотрел на него. — Мне нравятся покладистые и послушные партнеры.

Тань Мо шутливо пожал плечами:

— А я разве плохо тебя слушаюсь?

— В тебе чувствуется жесткий собственник.

Несмотря на то что Тань Мо всегда вел себя дружелюбно и ненавязчиво, Лу Инь по прошлой жизни прекрасно помнил: за этой мягкостью скрывается абсолютный, удушающий контроль.

Тань Мо лишь забавно вскинул брови, ничуть не смутившись:

— О надо же, раскусил.

Лу Инь внимательно всмотрелся в его идеальные черты лица:

— Кое-что в твоей внешности меня смущает.

Он сделал паузу, подбирая точное слово:

— Ты выглядишь как классический, порочный бабник.

— Простите, кто?! — Тань Мо даже поперхнулся от удивления.

— Ладно, скажем мягче: слишком привлекательный мерзавец, — поправился Лу Инь.

Тань Мо картинно вздохнул:

— Знаю, меня часто заочно записывают в разряд безнадежных бабников. Но правда в том, что у меня еще ни разу не было серьезных отношений. Я ведь говорил: размениваться по мелочам — не для меня.

Он заговорщически понизил голос:

— Я, между прочим, сторонник чистоты до брака.

Лу Инь откинул одеяло, поднялся с кровати и, смерив его долгим, полным скепсиса взглядом, бросил:

— Ври больше.

Лу Инь планировал провести остаток дня дома, но Тань Мо буквально вытащил его на улицу. Приближался день рождения Тань Сыли, и внук отчаянно нуждался в помощи друга, чтобы выбрать достойный подарок для строгого отца.

Цинхэ в праздничные дни превращался в сущий ад для автомобилистов. Центральные проспекты задыхались в бесконечных заторах. Сун Ян, зажатый в одной из таких пробок, раздраженно дергал рычаг коробки передач, то резко газуя, то тормозя.

В этот момент он как раз разговаривал по телефону с Цзян Боянем.

Боянь долго не брал трубку, а когда наконец соизволил ответить, его голос прозвучал на удивление резко: «Если ничего важного, я вешаю трубку. У меня дела».

Сун Ян, проигнорировав его грубость, обиженно протянул:

— Мне так паршиво...

Ему действительно было отчего расстраиваться: отец так и не передал ему обещанные акции корпорации Божественного Пути на совершеннолетие, хотя ранее клялся сделать это. Когда мать попыталась деликатно прощупать почву, Сун Хайнин лишь отмахнулся общими фразами.

«Нужно подождать, сейчас не время распылять активы, пока Лу Инь строит козни» — вот и все, что ему сказали.

Лу Инь! Опять этот проклятый Лу Инь! Все беды из-за него. Не нужно было позволять ему вообще приходить на этот вечер.

— А мне, по-твоему, зашибись как весело? — огрызнулся на том конце провода Боянь. Он со злостью пнул подвернувшуюся урну, швырнул клюшку для гольфа подбежавшему мальчику-помощнику и размашисто зашагал прочь с поля. — Выкладывай быстрее, на что ты там опять жалуешься? Снова заведешь пластинку про Лу Иня? Избавь меня от этого, и так тошно.

— Цзян Боянь! Что за тон?! — Сун Ян в ярости со всей силы ударил по клаксону.

Резкий, оглушительный гудок заставил водителей соседних машин вздрогнуть. Кто-то высунулся из окна и грязно выругался в его адрес. Сун Ян закатил глаза, собираясь послать хама на три буквы, но, подняв голову, замер. Из окна дорогого представительского седана, стоявшего в соседнем ряду, на него смотрел Фу Наньши.

Даже сквозь тонированное стекло Фу Наньши узнал его. Заметив искаженное злобой, капризное лицо Сун Яна, мужчина брезгливо поморщился и демонстративно отвернулся.

Сун Яна словно ледяной водой окатило. Сердце испуганно екнуло.

Предыдущая встреча с господином Фу прошла из рук вон плохо, но Сун Ян и не думал сдаваться — слишком уж лакомым куском был этот влиятельный мужчина. Он рассчитывал использовать Цзян Бояня как мостик, чтобы подобраться к нему поближе, но теперь...

Черт! Все планы полетели к чертям!

Лишь когда машина Фу Наньши тронулась с места и скрылась в потоке, Сун Ян обрел способность дышать. Он бессильно откинулся на спинку сиденья, стер ладонью выступивший на лбу холодный пот и пролепетал в трубку:

— Боянь, мне кажется...

Договорить он не успел. Глаза его расширились, и он резко подался вперед, прильнув к лобовому стеклу.

— Что тебе кажется? — нетерпеливо буркнул тот.

— Я вижу Лу Иня! — Сун Ян вытянул шею, жадно следя за фигурой на тротуаре. — Он тут... гуляет с каким-то парнем. Похоже, это его хахаль! Они так близко стоят, обалдеть просто.

С этого ракурса Тань Мо был виден лишь в профиль, но их непринужденное общение с Лу Инем не оставляло сомнений в характере связи. Сун Ян, ликуя, поспешил поделиться сенсацией:

— Я же говорил, у него кто-то есть!

— Кажется, они даже за руки держатся, — добавил он, сощурившись, чтобы получше разглядеть детали.

В ответ в трубке воцарилось тяжелое, зловещее молчание.

Сун Ян прислушался. С того конца провода доносилось лишь хриплое, прерывистое дыхание.

— Боянь? Ты тут? Что с тобой?

— Рассказывай дальше, — раздался в трубке ледяной, сочащийся ядом голос Цзян Бояня.

Спустя секунду он глухо выплюнул:

— Как он выглядит?

— Да я из машины не могу выйти, тут движение, — засуетился Сун Ян. — Расстояние приличное, лица толком не разобрать. Но парень высокий, одет стильно. Странно... лицо совсем незнакомое, явно не из нашей тусовки. Неужто Лу Инь завел себе жиголо?

— Альфонса? — Цзян Боянь едва не прокусил язык от бешенства.

«Ублюдок. Чертов нищеврод».

— И как только этот бедолага терпит его летаргический характер, — язвительно фыркнул Сун Ян. — Наверняка повелся на...

—...на его тугой кошелек, — закончил он с мерзким смешком.

В этот момент в трубке раздался оглушительный грохот.

Звук бьющегося стекла и треск пластика заставили Сун Яна вздрогнуть и отстранить телефон от уха.

Цзян Боянь со всей силы пнул стоявшую рядом стойку для гольф-каров, круша все на своем пути. Сун Ян нахмурился, слушая его яростное, прерывистое сопение:

— Боянь, ты чего буянишь?

— Я... я в гольф играю! — задыхаясь от переполнявших его эмоций, выпалил Боянь.

— Какой-то ты слишком взвинченный, — с подозрением заметил кузен.

— Потому что я махал этой гребаной клюшкой три часа подряд! — сорвался на крик Цзян Боянь. Этот безумный, истеричный тон испугал Сун Яна — он никогда не слышал кузена в таком состоянии. — Твою мать, почему сегодня так душно?! Я весь взмок! Мне жарко! Мне, блядь, так жарко, что я сейчас на куски взлечу!